Николай КАЩЕЕВ,
директор аналитического
департамента, Промсвязьбанк

Зион начинает революцию, и он похоронит капитализм

В знаковом фильме «Матрица» братьев Вачовски, снятом в не менее знаковом 1999 году, нашли свое специфическое и необычное отражение главные кошмарные сны атлантической цивилизации. Эти ужасы преследовали Запад почти весь XX век. В 1944 году Фридрих Хайек, один из учеников Людвига Фон Мизеса, виднейшего представителя австрийской экономической школы, известной также как группа победителей марксизма, опубликовал свою знаменитую книгу по политэкономии «Дорога к рабству», в которой эти фобии были последовательно изложены с привлечением экономического анализа.

Ключевая идея книги сводилась к тому, что увеличение влияния государства в экономике, проявляющееся в нарастании централизованного планирования и вытеснении им рыночных отношений, ведет в конечном итоге к установлению тоталитаризма в качестве политического устройства общества. Увы, по мнению Хайека, развитие производственных сил в капиталистическом обществе чревато усилением монополизма и со временем как раз более активным вмешательством государства в экономику, что является прямой дорогой к утрате свободы. Значит, необходимо создать такие условия, когда монополизм не достигает критических масштабов, говорил Фридрих Хайек. Маргарет Тэтчер и Рональд Рейган слушали...

Однако вернемся к кинематографическому мистеру Андерсону, также известному как Нео — виртуальному супермену, восставшему против диктатуры будущего. В целом, западный кинематограф в своих антиутопиях сплошь и рядом буквально цитирует Хайека. Здесь мир почти всегда тоталитарен вследствие деградации и разрушения, или он стал таковым в ответ на сверхострый вызов: чаще всего это взрыв преступности. А заправляют этим миром не только обычные диктаторы и даже иногда коллегиальные органы, как, например, в фильме «V — значит Вендетта» (это оттуда персонаж в маске Гая Фокса), «Звездных войнах» или «1984» по роману Джорджа Оруэлла, но и корпорации-монополии (примеры: «Робокоп» с сиквелами и «Обитель зла» с Милой Йовович, тоже с сиквелами).

В большинстве этих антиутопий, за вычетом «1984» и еще небольшого числа кинолент (как и книг), экономическая реальность ускользает от зрителей. Наверное, так страшнее, когда тота-

литаризм случается не в фантасмагорическом и нелепом с бытовой точки зрения мире социализма (например, скучном и сером Советском Союзе, о котором западный зритель имеет мало представления), а в привычных реалиях капитализма, которые могут быть несколько потрепанными (например, «Водный мир» Кевина Костнера) либо вообще лишены всякой экономики, кроме собирательства.

Сначала Нео в фильме находится аж под двойным гнетом. С одной стороны, в виртуальной жизни он работает программистом в некой большой капиталистической компании, чей офис выглядит несколько угнетающе, с другой — все вокруг контролируется совершенно особенным «диктатором»: искусственным интеллектом, «генератором реальности».

Каково экономическое устройство в единственном городе реальных людей — Зионе, нам неведомо. Что касается мира самой «Матрицы» — мира машин, так называемой цивилизации Zero One, — то там определенно главенствует социализм, распределительная система: чем, в самом деле, машины могут обмениваться на рынке и кому принадлежат средства производства, то есть сами машины? Если все принадлежит Матрице или ее автору, программе «Архитектор», то как последняя может реализовать свое право собственности, кроме как уничтожить тот или иной аппарат по своему усмотрению? Продать все это великолепие все равно некому.

Однако вполне вероятно, что и в Зионе ввиду военного положения царит мобилизационная экономика и, следовательно, распределительная система. Тем не менее город управляется коллегиальным органом — советом — и внешне вовсе не похож на тоталитарное общество, каким мы привыкли его себе представлять (и каким мы его прочувствовали на себе однажды). Примерно такое общество, похожее на коммуну первых колонистов, «отцов-основателей», переселенцев из Старого Света в Новый, часто рисуют в качестве положительной альтернативы диктатурам авторы-американцы в антиутопиях, таких, например, как «Противостояние» по Стивену Кингу.

Эти коммуны обычно рисуются в лубочных тонах: высокая самоорганизация, сознательность отдельных членов, умеренная общинность; почти ничего не говорится об экономическом устройстве, но на совместные праздники все приносят в общий кошт имеющиеся у них продукты и тому подобное. На самом деле это всего лишь отражение идеологических и жизненных стереотипов различных протестантских общин, в которых родились и выросли многие авторы сценариев и режиссеры, которые могут иметь для комплекта еще и умеренно левые убеждения. Тесно смыкаются с этими протестантскими стереотипами, конечно же, иудейские представления о правильном устройстве общества.

Мы решили для себя, что образ человеческого города Зион из «Матрицы» как мятежная альтернатива угрюмому миру машин — отправная точка для построения наших рассуждений о некоторых чертах посткризисного мира, который неумолимо дрейфует в неведомые воды, подчиняясь исторической и иной всеобщей логике. Хорошо, посмотрим на него пристальнее.

Выше мы сказали, что знаковый фильм «Матрица» вышел в знаковом же 1999 году. Почему этот год был знаковым? Потому что 90-е ознаменовались новыми идейными веяниями в области политэкономии, да и вообще изменениями во взглядах на сложившееся тогда общество. До начала Великой депрессии оставалось еще десять лет, до «пузыря доткомов» — всего два года, но это не значит, что оба события отменили перемены, вызванные длительными процессами в обществе, экономике и технологиях. А активно осознавать их начали как раз в конце 90-х, во время известной фетишизации хай-тека.

В 1999 году Дж. Беннет опубликовал статью под названием The End of Capitalism and the Triumph of the Market Economy («Конец капитализма и торжество рыночной экономики»), которая была посвящена этим переменам в том виде, как они представлялись автору — бизнесмену в области IT, весьма правому по убеждениям, написавшему книгу с говорящим названием «Вызов для англоязычного мира (Anglosphere): почему англоговорящие нации будут лидерами в XXI веке». Беннет незадолго до наступления краха «пузыря доткомов» заявлял о конце капитализма в его марксистском понимании — капитализма как строя, в котором важней-

BRAVE NEW VIRTUAL WORLD НЕ ТОЛЬКО ПЕРЕЖИЛ 2001 И 2008 Г., НО ВСЕ БОЛЕЕ ПОДТВЕРЖДАЕТ, ЧТО ЯВЛЯЕТСЯ ТРЕНДОМ НА ДОЛГИЕ ГОДЫ

ОДНА ИЗ ВЕДУЩИХ ПРОБЛЕМ НАШИХ ДНЕЙ – СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО В РАЗВИТЫХ СТРАНАХ, ПОДРЫВАЮЩЕЕ ГЛАВНЫЙ ДВИГАТЕЛЬ ЭКОНОМИКИ – КОНЕЧНЫЙ СПРОС

шей родовой чертой является частная собственность на средства производства. В определении Хайека и прочих капитализм — это всего лишь синоним рыночной экономики, то есть родовым признаком капитализма является доминирование рыночных отношений во всех областях хозяйствования.

В статье «Конец капитализма и торжество рыночной экономики» Беннет в качестве основного фактора для анализа берет существование и эволюцию открытой операционной системы Linux. Он стремится доказать, что при новом этапе развития глобальной экономики, характеризующемся глобализацией, взрывным ростом телекоммуникаций, увеличением производительности труда до новых высот и становлением паевых форм собственности, собственность на средства производства теряет свое основополагающее значение, а в рыночной экономике все более активно и широко устанавливаются горизонтальные связи. Linux не принадлежит никому и всем одновременно, а люди работают над ней не за деньги, а за репутацию. Новые ценности, новая организация производства, которую мы сегодня называем облачной (Cloud).

По словам Беннета (и как предостерегал ранее Хайек), гигантские корпорации непременно будут доминировать в информационной отрасли из-за необходимости привлекать в нее огромные объемы капитала. Компания Microsoft, казалось бы, подтверждала такой сценарий. Однако цены на компьютеры сильно упали, и машины в ходе бурной компьютерной революции стали орудием производства для множества людей, которых позже Интернет объединил в «цеха», часто помимо участия в этом процессе владельцев корпораций и даже в отсутствие любого профессионального «вертикального» менеджмента.

К слову, это в точности то, о чем мы не раз говорили в рамках обсуждения судьбы экономического суперцикла 1970–2009 годов и становления во второй декаде 2000-х нового цикла, еще с неясными очертаниями: о колоссальной системной значимости факта появления в начале 1970-х годов процессора 8080, которое почти совпало по времени и роли в истории с падением Бреттон-Вудской системы и началом доминирования плавающих валют.

Добавьте к сегодняшней картине рынка такие проекты, как AppStore, Google Play, множество стартапов с краудфандингом теперь уже и в области реальных товаров (например, проект Pebble Smartwatch) и, наконец, Bitcoins — и вы без труда увидите, что brave new virtual world не только пережил 2001 и 2008 годы, но все более подтверждает, что является трендом. На долгие годы. И уже создает свою собственную «матрицу», только лишенную негативной коннотации. «Матрицу», о которой говорил Хайек как об особых условиях для экономики, способных пока довольно робко противостоять монополизации, ведущей к потере свободы. Так что сегодня Зион, пусть и не так драматично, как в фильме (в жизни многие эпохальные вещи происходят медленно и исподволь), кажется, начинает свою революцию.

Кто в теремочке, то есть Зионе, живет? Кто там хоронит классический, «Марксов» капитализм?

Одна из ведущих проблем наших дней — социальное неравенство в развитых странах, подрывающее главный двигатель экономики — конечный спрос.

Да, в Азии стремительно растет средний класс: в 2000 году в Китае средний класс составлял 4% городского населения, сейчас — 75%! Это примерно 412 млн человек (с доходом от $5 тыс. в год и выше). Но в США с 1979 года по предкризисный 2007 год доходы 60% американцев с уровнем годового дохода 2007 года от $20 тыс. до $74 тыс. в год выросли в среднем менее чем на 30%, тогда как доходы top-20% — вдвое, а top-10% — на 125% и top-5% — на ожидаемые 160%. Более того, неравенство характерно и для возрастной структуры: чистые активы среднего домохозяйства (за вычетом обязательств) с возрастом главы семьи от 65 лет с 1984 года по 2009 год выросли на 42%, до $171 тыс. Аналогичный показатель для молодой семьи (где главе семьи менее 35 лет) упал на 68%, до $3.7 тыс.! А доходы с 1967-го по 2010 год у всех американских домохозяйств в среднем выросли на 45%: младше 35 лет — на 27%, старше 65 лет — на 109%. Доля «младших» домохозяйств, скатившихся до уровня бедности за указанный период, почти удвоилась и достигла 22%, тогда как «старших» — упала в три раза, до 11%

(см. http://www.pewsocialtrends.org/). Бебибумеры съели весь торт!

Кроме того, сегодня многим известно, что качество создаваемых рабочих мест в посткризисные годы оставляет желать лучшего. Они зачастую предлагаются не на полный рабочий день и, как правило, в сфере услуг, где работа обычно оплачивается хуже, чем на производстве. При этом количество занятых неполный рабочий день «по экономическим причинам» (так свидетельствует статистика) сегодня близко к рекордным уровням: около 7.8 млн человек из примерно 144 млн работающих — это ни много ни мало, а более 7%. Соответственно, если «официальный» уровень безработицы в США на сегодня составляет 7.3%, то с учетом занятых на неполную ставку, но ищущих работу на весь день — более 14%. Хотя рабочие места в производственном секторе США восстанавливаются, но не успевают за ростом потенциальной рабочей силы.

Все знают, это уже навязло в зубах, что безработица среди молодежи в развитых странах и в мире намного выше. Если в Северной Африке и на Ближнем Востоке это не новая проблема, причем кое-где уже вылившаяся в «цветные революции», то в развитых странах, и так пострадавших от кризиса, это новая большая беда: например, безработица среди молодых в ЕС в целом — 18% при общей безработице на уровне около 12%, а в Испании и Греции — около 50% (общая — около 25%), во Франции и Англии — более 22% (против 10% и 8% соответственно).

В новых условиях в развитых экономиках, когда рынки насыщены, а то и перенасыщены товарами и услугами, найти свое место под солнцем очень непросто. Кто-то видит себя в облачных «цехах», креативных стартапах, сфере необычных услуг и тому подобном; это те, кого в нашей буче, томно нежащейся в soft middle age, называют «креаклы» — как будто это ругательное слово. Для люмпенизированной публики, наверно, да, ругательное. Эти люди — преуспевающая часть Зиона. О них мы говорили выше.

Люди же, вымываемые из среднего класса из-за роста производительности труда и аутсорсинга рабочих мест в развивающиеся экономики, могут составить другую значительную часть зионитов. И таким образом город-колыбель будущего также оказывается разделен на территории по имущественному признаку. Большая часть тех, кто населяет районы Зиона для бедных, называется специальным термином precariat (от precarious — случайный, ненадежный, сомнительный; to live a precarious living: жить случайными доходами).

БАЗОВЫЙ ДОХОД ПОДДЕРЖИВАЕТ СПРОС И СНИЖАЕТ СОЦИАЛЬНОЕ НАПРЯЖЕНИЕ И ПРЕСТУПНОСТЬ. ЕГО РАЗМЕР СВЯЗАН С ПОНЯТИЕМ «СОЦИАЛЬНЫЕ ДИВИДЕНДЫ» И ЗАВИСИТ ОТ ОБЩЕГО СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ

Согласно определению, прекариат — это хронические безработные, перебивающиеся случайными заработками люди, либо хронически занятые на часть ставки. То есть применительно к США мы можем прикинуть численность прекариата: около 22 млн человек. В своей книге с говорящим названием The Precariat: The New Dangerous Class («Прекариат: новый опасный класс») исследователь нового явления Гай Стэндинг (Guy Standing) пишет: «Нам следует немедленно очнуться перед лицом возникновения глобального прекариата. В нем много тревоги и много злости... Есть опасность, что, прежде чем прекариат будет изучен и понят, его возникновение может ввергнуть общество в политический ад. Это не предсказание. Это тревожная вероятность». О том, что подобная проблема возникнет непременно, мы говорили, когда рассуждали об экономических суперциклах в связи с кризисом 2008 года.

Сегодняшний ответ на вызов прекариата имеет, увы, вполне некапиталистический характер. Он называется «концепция базового дохода» и является не чем иным, как новой версией распределительного welfare state (государства всеобщего благоденствия). Основные его положения сформулированы так: технологии и роботизация делают человеческий труд менее необходимым, но сами могут существовать только в том случае, если их плоды востребованы. Перераспределение — наилучшая программа экономического развития, поскольку богатые не тратят на потребление такой же доли своего дохода, какую тратят бедные. Базовый доход — некий минимум денег, выдаваемый безвозмездно всем подряд безо всяких предварительных условий, что-то вроде базовой пенсии, не зависящей от возраста и трудоспособности или всеобщей ренты, – является наилучшим способом перераспределения. Базовый доход поддерживает спрос и снижает социальное напряжение и преступность. Его размер связан с понятием «социальные дивиденды» и зависит от общего состояния экономики. Концепция развивается по всему миру, причем социальные эксперименты уже проводятся в разных странах — от США до Намибии. Ее апологеты — экономисты, ученые, общественные деятели и многие другие — создали ряд международных и национальных организаций, из которых наиболее известной является европейская (естественно!) BIEN — Basic Income Earth Network.

Что это, как не новый коммунизм? Что первым делом приходит в голову, когда встает проблема «лишних» людей, лишенных креативной или предпринимательской жилки, коих десятки, а может, и сотни миллионов? Что это, как не ответ на социальный дарвинизм, зашедший довольно далеко по политической шкале влево? Это – единственная альтернатива?

Похоже, над Зионом развивается флаг, пожалуй, красного цвета. Увы.